УДК 81`272

DOI 10.17516/2311-3499-070

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ «ОБСУЖДЕНИЕ ЗАКОНА О НЕУВАЖЕНИИ К ГОССИМВОЛАМ» В АСПЕКТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

И.В. Евсеева

В статье анализируется один из видов внутрироссийского политического дискурса – «обсуждение закона», который демонстрирует информационно-психологическое противоборство народа и власти внутри страны. Особое внимание уделяется обсуждению закона о неуважении к госсимволам и характеристике реакции общества на этот закон. Анализу подвергнуты заголовки текстов статей СМИ, касающихся обсуждения закона; эти заголовки с позиции их прагматического содержания классифицированы на фактуальные, персуазивные и директивные. Уделено внимание понятию «неприличная форма», которое лежит в основе порядка по ограничению доступа к информации как формы наказания за нарушение закона. Это понятие осмысливается как текстовая категория конфликтного дискурса, включающая, прежде всего, нецензурную и потенциально конфликтогенную лексику. Представлены результаты моделирования коммуникативной ситуации «обсуждение закона», компонентами которой являются ролевые позиции участников, их коммуникативные цели, стратегии и языковые особенности высказываний. Выделенные коммуникативные стратегии подчеркивают наличие противостояния народа и власти, если власть на законодательном уровне ограничивает действия народа. Доказано, что рассмотренная коммуникативная ситуация представляет собой конфликтный дискурс, в ходе которого каждый участник (власть, СМИ, народ) преследует свою цель и использует тактики, сопоставимые с тактиками военных действий – провокация, нападение и защита.

Ключевые слова и фразы: оппозиция «власть – народ»; конфликтный дискурс; фрейм концепта «закон»; модель коммуникативной ситуации; коммуникативная ситуация «обсуждение закона»; информационно-психологическое противоборство.

COMMUNICATIVE SITUATION «DISCUSSION ON THE LAW OF THE STATE SYMBOLS DISRESPECT» IN THE ASPECT OF INFORMATIONAL AND PSYCHOLOGICAL CONFLICT

I.V. Evseeva

The paper analyzes one of the internal Russian political discourse types – «discussion on the law», which demonstrates the informational and psychological confrontation between the people and the authorities inside the country. The authors pay particular attention to the discussion on the law of the state symbols disrespect and characterization of the public reaction to this law. The headlines of the texts of media articles related to the discussion of the law have been analyzed. According to their pragmatic content these headlines are classified into factual, persuasive and directive. Attention is paid to the concept of «indecent form», which underlies the procedure of information access restricting as a form of punishment for violating the law. This concept is interpreted as a textual category of conflict discourse, including, first of all, obscene and potentially conflicting vocabulary. The paper presents the results of «discussion on the law» communicative situation modeling, components of which are the role positions of the participants, their communicative goals, strategies and language features of the statements. These communication strategies emphasize the presence of confrontation between the people and the authorities, if the authorities restrict the actions of the people at the legislative level. It is proved that the

considered communicative situation is a conflict discourse in which each participant (the authorities, media, people) wants to achieve his goal and uses tactics comparable to the tactics of military actions (provocation, attack and defense).

Keywords and phrases: *«authorities – people» opposition; conflict discourse; frame concept «law»; model of a communicative situation; communicative situation «discussion on the law»; information and psychological confrontation.*

Введение

В 1866 году Ф.И. Тютчев написал знаменитое стихотворение, философские строки которого – «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить» – стали одними из самых цитируемых применительно к характеристике нашей страны. Спустя полтора века эти строки не теряют своей актуальности. В частности, они звучат современно, когда речь заходит о взаимоотношениях двух субъектов политического дискурса – власти и народа, точнее – отношения народа к власти. С одной стороны, народ критикует, ругает власть, в том числе «последними словами», не стесняясь публичности своих высказываний через написание нецензурных текстов в Интернете. С другой – встает на защиту власти, если на нее посягает «чужой». Приведем один пример.

Кандидат в президенты Украины В. Зеленский в ходе брифинга в день 1-го тура выборов заявил, что встретится с президентом России только после «возвращения» Украине Крыма и Донбасса. А к уже «состоявшемуся» возврату земель В. Зеленский намерен потребовать от В.В. Путина денежную компенсацию за захват территорий (см. источник №2 в разделе «Источники и принятые сокращения»). Данная новость была размещена на разных новостных каналах РФ и информационных сайтах, на нее россияне отреагировали практически единодушной поддержкой действующего президента (из 140 комментариев на момент их анализа всего 9 были с оппозиционным подтекстом). В комментариях (здесь и далее в текстах-комментариях авторская орфография и пунктуация сохранены) к новости, размещенной в «Инстаграм» красноярским телеканалом «ТВК-6» (см. источник №5 в разделе «Источники и принятые сокращения»), читаем высказывания, направленные в защиту В.В. Путина. В них президент предстает как сильная политическая личность (zulfiyal69: Путин великий. И умный политик; Ulyana_tro7: ... Как к Путину подойдёт, так коленки затрясутся!; tatakrsk: После всего сказанного он [Зеленский – вставка наша] обязан был начать жевать свой галстук; chernyaevegor: Самое главное заснять со звуком, этот момент когда он путину будет в глаза это говорить; Vlagimir: Фигню несешь путин пошлёт тебя куда подальше).

Примеров много, когда граждане РФ встают на защиту России, народа, президента, слыша нелестные высказывания извне, от людей, не причисляющих себя к Русскому миру. Однако во внутрироссийском дискурсе эти же объекты часто подвергаются критике, переходящей в оскорбление, что переводит их в статус мишеней информационных атак [Лингвистика ... 2017]. Особой мишенью являются представители властных структур и их действия.

Тенденция ругать власть не нова, но она обострилась с развитием интернет-пространства, когда появилась возможность высказать свое отношение не на кухне, в узком кругу друзей и знакомых, а публично – в сети. Карельский чиновник С. Авишев, рассуждая на этот счет, отмечает, что ругать действующую власть стало «национальной народной забавой в России»: «Нынче тренд пошел такой модный. Кто ругает действующую власть – тот великий демократ <...> Убежден, что нужно не безрассудно ругать, а необходимо обоснованно критиковать власть. ... Однако эта критика должна быть конструктивной и объективной» (см. источник №1 в разделе «Источники и принятые сокращения»).

Видимо, участвовавшие случаи публичного оскорбления представителей власти привели к доработке Федерального закона № 28-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» (см. источник № 9 в

разделе «Источники и принятые сокращения»). Эти изменения регламентируют «порядок ограничения доступа к информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации» (см. тот же источник).

Принятию указанных изменений в закон предшествовала трехмесячная работа по их обсуждению в органах государственной власти. Текст проекта закона, который был представлен в первом чтении в Государственную Думу в декабре 2018 г., сразу после его публикации вызвал бурный общественный резонанс. Сомнение в необходимости такого закона тогда же высказали и представители Генпрокуратуры. Сошлемся здесь на слова заместителя начальника правового управления Генпрокуратуры РФ Е. Артамоновой, выступившей на расширенном заседании комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи: «С нашей точки зрения, формулировки этих законопроектов, они, безусловно, носят технический характер, и принятие решений невозможно будет без проведения лингвистических экспертиз, что потребует значительных временных затрат» (см. источник № 3 в разделе «Источники и принятые сокращения»).

Однако 18 марта 2019 г. президентом РФ был подписан указанный закон, который вступил в силу 29 марта. Данный закон при его нарушении, кроме штрафов, предусматривает блокировку и удаление из сети Роскомнадзором информации, оскорбляющей человеческое достоинство, общественную нравственность, государство или государственные символы.

Этот и подобные ему законы, которые влекут за собой хоть какие-то ограничения, всегда вызывают негодование общества, что, как правило, демонстрирует оппозицию «власть – народ», являющуюся концептуальной оппозицией политического дискурса. Цель данной работы – охарактеризовать один из видов внутрироссийского политического дискурса, связанного с обсуждением закона в СМИ. Этот дискурс демонстрирует информационно-психологическое противоборство внутри страны.

Политический дискурс складывается из ряда коммуникативных ситуаций (далее – КС), одной из которых является КС «обсуждение закона». Изучение этой КС и построение ее модели является основной задачей исследования. Это достигается путем установления компонентов указанной КС, характеристики ролевых позиций участников КС, выявления особенностей языковых средств выражения КС.

Попробуем также разобраться, среди прочего, со спектром вопросов как лингвоэкологического, так и социокультурного характера: что нового содержит текст закона о неуважении к госсимволам и была ли необходимость в его принятии, какова реакция общества на принятый закон, что стоит за понятием «неприличная форма», которое лежит в основе порядка по ограничению доступа к информации?

Методология и материал исследования

Исследование выполнено в русле современного направления «политическая лингвистика», включающего, среди прочих, теорию лингвистики информационно-психологической войны. Методологической базой послужили положения политического дискурса, касающиеся концептуальной оппозиции «народ – власть» в современной российской политической коммуникации [Невинская 2006; Шейгал, Черватюк 2007 и др.]. При характеристике КС «обсуждение закона» использованы термины и понятия, обоснованные в исследованиях по лингвистике информационно-психологической войны [Лингвистика ... 2017, 2019].

Для освещения вопросов конфликтной коммуникации были применены положения юрислингвистики [Голев 2008; Третьякова 2000 и др.]. С целью характеристики и описания концепта «закон» была применена ментальная структура – фрейм, обоснованная в когнитивных

лингвистических работах [Ван Дейк 2000; Минский 1979]. Достижения прагмалингвистики применялись с целью исследования прагматического содержания заголовков статей СМИ.

В соответствии с поставленными задачами в работе использовались следующие методы лингвистического исследования: метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, метод моделирования коммуникативной ситуации, метод фреймового моделирования, метод количественного подсчета.

В качестве исследовательского материала были привлечены тексты федеральных законов, публикации в СМИ, касающиеся обсуждаемого Федерального закона; комментарии этого закона гражданами РФ в сети Интернет до и после его принятия.

Обсуждение результатов

I Была ли необходимость внесения изменений в закон?

На внесение изменений в закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» бурно отреагировали представители СМИ, а вслед за ними и граждане РФ.

А была ли необходимость в принятии рассматриваемого закона, если в Кодексе РФ об административных правонарушениях (см. источник №4 в разделе «Источники и принятые сокращения») уже есть статья 5.61, предусматривающая административную ответственность за оскорбление? Текст этой статьи, в частности, говорит о том, что «оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, – влечет наложение административного штрафа» (Кодекс РФ). Здесь же предусмотрено наказание за «оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации» (Кодекс РФ), а также за «непринятие мер [должностными лицами – вставка наша] к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации» (Кодекс РФ). Разница между данным законом (назовем его первым) и принятым недавно (назовем его вторым) усматривается в двух принципиальных позициях.

1. Чтобы наложить на ответчика административное взыскание в случае нарушения первого закона, необходимо судебное решение, нередко с привлечением лингвистической экспертизы, что часто затягивается надолго. Второй закон «работает» без судебных разбирательств, и, как следствие, информация, содержащая оскорбление представителей власти, государственной символики и проч., блокируется в кратчайший срок.

2. Первый закон направлен на защиту чести и достоинства любого лица, второй ограничивает круг «оскорбленных», среди которых общество в целом, государство, его официальная символика, Конституция РФ и органы государственной власти. Причем конкретизация в законе таких объектов оскорбления, как общество, государство, символика, Конституция, видится оправданной, т. к. эти объекты не являются лицами, следовательно, с позиции первого закона нельзя было отстаивать их права даже в судебном порядке.

Таким образом, нововведения в закон, с одной стороны, предусматривают спектр объектов оскорбления, ранее не учтенных законодательством, с другой – наделяют правом соответствующие органы действовать быстро в вопросе наказания за оскорбление этих объектов и их информационной защиты посредством блокирования информации.

Попутно заметим, включенный в закон перечень объектов – общество, государство, государственные символы, Конституция РФ и власть – являются составляющими государственности, формируют, среди прочих, нацпеобразующие концепты, которые играют «ведущую роль в самоидентификации народа, в формировании его национального сознания» [Экология русского языка 2017: 150].

II Реакция общества на принятый закон

Ведущим транслятором всего того, что происходит в органах государственной власти, выступают СМИ. Именно из них мы узнаем самые свежие новости. И от того, каким образом подается эта новость, часто зависит реакция общества.

Сразу после публикации проекта обсуждаемого в статье закона практически все электронные издания отреагировали на него. Обратимся к анализу текстов статей и заметок на эту тему, уделив особое внимание анализу заголовков, т. к. именно заголовки выполняют текстообразующую роль, конденсируя основные интенции текста.

В основу анализа заголовков была положена классификация Е.Н. Комарова, который выделил три типа заголовков СМИ в зависимости от интенциональной установки адресанта: фактуальные (передают информацию, эксплицитную по своей природе), персуазивные (содержат умозаключение, выражающее результат осмысления адресантом явлений реальной действительности) и директивные (директивные заголовки, подобно персуазивным, отражают результат восприятия и осмысления реальной действительности адресатом и отличаются лишь интенцией – стремлением побудить реципиента к совершению конкретных речевых и неречевых действий) [Комаров 2003]. Все эти прагматические типы заголовков нашли отражение в СМИ как реакция на представленные к обсуждению изменения в закон. Из 60 проанализированных заголовков статей, посвященных рассматриваемому закону, отобранных методом сплошной выборки, 11 примеров соответствуют фактуальному, 46 – персуазивному и 3 – директивному типу. Рассмотрим их.

К *фактуальным* заголовкам, передающим суть новости, относятся заголовки эксплицитного плана, транслирующие предметно-логическую информацию, например: *Правительство одобрило законопроект о неуважении к госсимволам; Президент подписал законы о фейковых новостях и неуважении к госсимволам; Госдума приняла пакет законов о наказании за неуважение к госсимволам; Совфед одобрил закон о неуважении к госсимволам* и др. В заголовках этого типа отсутствуют авторские комментарии, оценка, разъяснения – все то, что может выдать личностную позицию автора.

В *персуазивных* заголовках представлен результат осмысления автором описываемой ситуации. В таких заголовках прагматическая информация «доводится до адресата с помощью оценочной лексики, грамматических форм выражения языковой модальности, а также посредством контекстуально получаемых оценочных значений» [Там же: 17]. Ср.: *Шутки за 300 (тысяч рублей): как вас накажут за обидные мемы про политиков и фейки; В Кремле назвали "маразмом" предложение наказывать за "неуважение к государству"; Новые законы о неуважении к госвласти: кого, за что и как накажут?; Теперь за "неуважение к власти" можно получить штраф в 300 000 рублей и сесть на 15 суток* и др.

Директивные заголовки (их было выявлено всего 3) содержат стремление автора побудить читателя к совершению действия, «стимулировать интеллектуальную деятельность реципиента в направлении анализа возможного развития событий» [Там же], ср.: *Ма-а-а-лчать!!! Закон "о неуважении к господствующему классу"; Приняли закон о неуважении властей? Требуем закон о неуважении народа; Удалите это немедленно. Первые жертвы закона "о неуважении к власти"*.

Если фактуальные заголовки передают эксплицитную информацию, то персуазивные и директивные содержат оценочные слова, часто – негативного характера, провокационные и интригующие высказывания. Причем в заголовках упор делается на таких объектах (из всех, попавших под защиту закона), как госсимволы, власть и государство. В фактуальных заголовках упоминаются преимущественно госсимволы, в персуазивных и директивных же преобладают объекты, относящиеся к власти (*власть, госвласть, институты власти, политики, чиновники, господствующий класс*) и государству. Не затронуты такие обозначенные в законе объекты, как общество и Конституция РФ. Отметим также следующее: фактуальные заголовки в большинстве своем были обнаружены в центральных новостных СМИ (информационные порталы «Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации» и «Федеральное агентство новостей», общественно-политическая газета «Московский Комсомолец», портал прямых трансляций «Москва 24» и нек. др.), в которых освещаются инициативы государственной власти.

Персуазивные и директивные заголовки характерны для СМИ, в том числе региональных, с оппозиционным уклоном. Ср., например, некоторые заголовки из электронного издания «Радио "Свобода"» (см. источник №7 в разделе «Источники и принятые сокращения»), заголовки приводим в порядке размещения материалов на сайте: *В СПЧ сочли немыслимым законопроект об "оскорблении власти в интернете"; "Посадили одного – замолчат тысячи". Лев Шлосберг о главной скрепе – ФСБ; Уважать себя не заставят. Соцсети о новых наказаниях за "неуважение к власти"; Российские писатели назвали законы об оскорблении власти и фейковых новостях "прямой цензурой"; Нарушаете, уважаемый! Первый день с "законом о неуважении к власти"; Жители Магадана с конца марта проводят "тихий" протест; Удалите это немедленно. Первые жертвы закона "о неуважении к власти".*

В издании «Общая газета» (см. источник № 6 в разделе «Источники и принятые сокращения») читаем по анализируемой теме: *В Кремле назвали "маразмом" предложение наказывать за "неуважение к государству"; Госдума приняла в первом чтении "опасные для общества" законопроекты; Правозащитники попросили президента Путина не подписывать законы о "фейк-ньюс" и "неуважении к государству"; Правительство одобрило введение наказания за "неуважение к государству"; Генпрокуратура изменила свою позицию по законопроекту о "неуважении к государству"; Совет Федерации принял законопроекты о наказании за неуважение к власти и "фейк-ньюс".*

Подобного плана заголовки представлены в новостном сетевом издании «Интерфакс» и в ряде других СМИ.

Примечательно, что в изданиях, освещающих инициативы власти, обсуждаемый закон кратко назван как «закон о неуважении к госсимволам», а в изданиях же оппозиционного толка «закон о неуважении к власти».

Персуазивные и директивные заголовки позволяют авторам информационных изданий выражать личную позицию, давать оценку сообщаемому, обобщать и делать выводы. Подобного рода заголовки оказывают значительное воздействие на читателя, порой нагнетая ситуацию. В ряде электронных изданий с имеющейся опцией «комментарии», когда читатели могут высказать свою позицию по поводу сообщаемого, большинство реакций, написанных как отклик на публикацию в СМИ, соответствует интенции автора этого текста. Например, заголовок *Ма-а-а-лчать!!! Закон "о неуважении к господствующему классу"* спровоцировал следующие реакции (комментарии, содержащие нецензурные единицы и слова, порочащие конкретную личность, здесь не приводим), среди которых нет ни одной в защиту закона: *Депутаты воруют миллиарды долларов и заставляют нас молчать; Ну, что? Скоро будем собираться на конспиративных квартирах, шепотом рассказывать запрещенные новости и ругать власть?)) ЗЫ: Название в разговорном стиле "Ма-а-а-лчать". Не пишите про ошибку в этом слове; Как меня бомбит от них.....А нас они НЕ оскорбили своим бестолковым, непрофессиональным присутствием во власти, отвратительным, неэффективным управлением, безобразной внешней и внутренней политикой....можно долго продолжать... и мн. др., в том числе высказывания с использованием слов с семантикой агрессии, содержащие призыв к активным действиям (начать отстреливать, глаза всем выколоть и языки отрезать и пусть слушают и головой кивают). Тональность реакций-комментариев задается в заголовке к публикации и в ее тексте. Негативные высказывания накручиваются, как сахарная вата на стержень-палочку. Психологи [Кондрашихина, 2009] такое поведение называют полезависимым, соотнося его с теорией поля, которую социальный психолог К. Левин связал с психологической характеристикой личности (см. об этом в [Петрунникова и др., 2009]). И если в Сети кто-то вдруг позволяет себе высказать комментарий в защиту нововведений в закон (ср.: *Интернет нужно совсем отключить, баловство это и отвлекает народ от работы, всякие дурные мысли в голову вбивает. Раньше не было интернета, поэтому и была великая держава*), то тут же получает враждебный отпор (ср.: *Да ты глуповатый, привык в резиновых**

сапогах вилами навоз кидать, вот и кидай. Эта тема не для тебя, отойди от компа, помой руки от гуамна).

Преобладающее большинство заголовков СМИ, касающихся обсуждаемого закона, а также комментарии читателей на соответствующие публикации демонстрируют конфликтный дискурс, когда происходит столкновение двух сторон, в нашем случае – народа и власти, выраженное в разногласии взглядов. Основная интенция этих взглядов сводится к следующему. Власть на законодательном уровне запрещает в неприличной форме высказываться в адрес общества, государства, официальных государственных символов РФ, Конституции РФ и органов государственной власти. Народ, возмущенный действиями властных структур, не готов, судя по публикациям в СМИ, «уважать» власть и, следовательно, соблюдать закон. Появились и анекдоты, в которых рассматриваются способы избежания наказания за несоблюдение закона (*Депутата били молча. Чтобы не попасть под закон об оскорблении власти*).

III Что стоит за понятием «неприличная форма», которое лежит в основе порядка по ограничению доступа к информации?

В основе этого вопроса, не раз поднимавшегося в СМИ в процессе обсуждения закона, лежит понятие «неприличная форма», которое связывают с порядком ограничения доступа к информации. В обсуждаемом законе не поясняется, что значит «неприличная форма», однако есть связь этого определения с глаголом *оскорбить* («Распространение... информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство...» (ФЗ № 28)). Здесь сошлемся на письмо сенатора А. Клишаса, написавшего ответ В. Познеру, критично отзывавшемуся о законопроекте. В письме сенатор подчеркнул, что закон предусматривает привлечение к ответственности в случае, если проявление неуважения «сопряжено с его выражением в неприличной форме... Неуважение и его выражение в неприличной форме – это два элемента одного и того же противоправного действия. Неуважение может проявляться и в рамках норм приличия, при таких обстоятельствах оснований для привлечения кого-либо к ответственности нет». Письмо опубликовано в сетевом издании «РИА Новости» (см. источник № 8 в разделе «Источники и принятые сокращения»).

«Неприличность» осмысливается в работах по юрислингвистике как текстовая категория конфликтного дискурса. Эта категория «включает, прежде всего, нецензурную лексику, а также лексику, являющуюся потенциально конфликтогенной. К ней можно отнести слова, имеющие в словарях литературного языка стилистические и социальные пометы (презрительное, вульгарное, бранное и т.п.). Категоризация такой лексики как неприличной детерминирована присущим ей оскорбительным потенциалом» [Егорова 2010: 18].

Сегодня нецензурная лексика получила широкое распространение, проникнув в СМИ и художественную литературу. А сигнал, который на телевидении включают вместо ненормативной лексики, – может быть воспринят как своего рода реклама мата. Пользователи сети Интернет, комментируя действия власти, позволяют высказываться нецензурно в адрес конкретных представителей административных структур, что, безусловно, воспринимается как оскорбление. Согласно обсуждаемому закону, информация, содержащая лексику оскорбительного характера, направленную в адрес представителей власти, будет удаляться волевым решением Роскомнадзора. Данное обстоятельство, в свете принятого закона, «связывает» руки оппозиционно настроенным гражданам, которым придется теперь обдумывать каждое слово в процессе выражения своего несогласия с чем-либо или критики.

IV Модель коммуникативной ситуации «обсуждение закона»

Анализ текстов СМИ, касающихся закона о неуважении к госсимволам, и его публичного обсуждения позволил построить модель соответствующей КС. Эта КС – обсуждение закона – является одной из КС, формирующих концепт «закон».

Концепт, по мнению Т. Л. Ван Дейка, активно разрабатывающего теорию фреймов в рамках когнитивного направления лингвистики, может быть представлен в виде структуры фреймового

типа. В противоположность простому набору ассоциаций единицы фрейма содержат «основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» [Ван Дейк 2000: 16–17]. Иными словами, концепт, репрезентированный в виде фрейма, представляет собой иерархически организованную структуру знания.

Под фреймами, вслед за М. Минским, мы понимаем сетевые модели, или структуры знания, организованные вокруг некоторого понятия, в котором «ассоциирована информация разных видов» [Минский 1979: 7]. Слот, или, в терминологии М. Минского, терминал, – это элемент фрейма, ориентированный на какой-то один аспект, какое-то конкретное знание посредством заполнения «характерными примерами или данными» [Там же]. Слот устанавливает адекватные условия, способствующие раскрытию фрейма, а эти условия, в свою очередь, порождают определенные суждения.

Так, фрейм-структура концепта «закон» формируется следующими слотами (слоты, выделенные курсивом, могут быть факультативными), которые соответствуют конкретным КС:

1. Предпосылки создания закона;
2. Формирование проекта закона, его регистрация и направление председателю государственной думы (ГД);
3. Работа над проектом закона в ГД, в том числе дополнение состава инициаторов законопроекта, снятие инициатором своей фамилии с законопроекта;
4. Предварительное рассмотрение законопроекта, внесенного в Государственную Думу;
5. Представление проекта закона в ГД в первом чтении;
 - 5.1 *Первичная реакция депутатов ГД на проект закона – рекомендации по доработке;*
 - 5.2 Принятие законопроекта в первом чтении;
 - 5.3 *Представление поправок к законопроекту;*
6. Публикация проекта закона – представление общественности;
 - 6.1 *Обсуждение проекта закона в СМИ – реакция общества;*
 - 6.2 *Публичная реакция власти на реакцию общества;*
7. Представление проекта закона в государственной думе (ГД) во втором чтении;
 - 7.1 Принятие законопроекта во втором чтении;
 - 7.2 *Представление поправок к законопроекту;*
8. Публикация проекта закона после второго чтения – представление общественности;
 - 8.1 *Обсуждение проекта закона в СМИ – реакция общества;*
 - 8.2 *Публичная реакция власти на реакцию общества;*
9. Представление проекта закона в государственной думе (ГД) в третьем чтении;
 - 9.1 Принятие законопроекта в третьем чтении;
 - 9.2 *Обсуждение проекта закона в СМИ – реакция общества;*
10. Прохождение закона в Совете Федерации;
11. *Обсуждение проекта закона и действий законодателей в СМИ – реакция общества;*
12. Прохождение закона у Президента Российской Федерации, в том числе подписание закона;
13. Опубликование закона и даты его вступления в силу;
14. *Обсуждение проекта закона и действий законодателей в СМИ – реакция общества;*
15. Исполнение закона.

Факультативные позиции возникают, как правило, в случае, если законопроект вызывает общественный резонанс, главным образом, несогласие народа с инициативой власти. Подобная ситуация произошла в связи с обсуждением закона о неуважении к госсимволам.

Остановимся на КС «обсуждение закона в СМИ», которая во фреймовой модели концепта «закон» повторяется неоднократно. Модель этой КС представим следующими позициями: участники КС, коммуникативная цель, коммуникативные стратегии и языковые особенности. Рассмотрим каждую из указанных позиций.

Участники КС. Участниками КС «обсуждение закона в СМИ» выступают: СМИ, власть и народ. Ведущая роль в этом триединстве отводится СМИ, большинство из которых заинтересовано в отклонении обсуждаемого закона, т.к. именно на страницах СМИ, как печатных, так и электронных, часто транслируются критические высказывания по отношению к власти, нередко неуважительного плана. Тем самым идет формирование соответствующего общественного мнения, мнения народа.

Применим к названным участникам обсуждаемой КС термины семантических ролей [Плунгян 2003; Тестелец 2001; Филмор 1981]. СМИ, будучи активным участником ситуации, является агенсом – инициатором и контролёром процесса обсуждения закона. Роль агенса у СМИ на протяжении всей КС остается неизменной. Народ вначале КС выступает адресатом – получателем сообщения, но эта роль может измениться на роль экспериенцера (носителя чувств и восприятий), если адресат высказывает свое мнение публично, становясь активным участником КС. Власть в КС «обсуждение закона в СМИ» отводится роль бенефактива – участника, чьи интересы затронуты в процессе КС, от чего он может получить пользу или вред. Роль бенефактива может быть изменена на экспериенцера, если власть вступает активно в публичный процесс обсуждения закона.

Коммуникативная цель. Каждый участник КС «обсуждение закона в СМИ» преследует свою цель. Для выявления коммуникативной цели участников обсуждаемой КС значима активность ее участников.

Цель агенса – повлиять на законопроект до его принятия депутатами и подписания президентом. В задачи агенса входят: склонить на свою позицию адресата и разными приемами, в том числе манипулятивными, заставить адресата стать активным участником КС (народ для агенса в этом случае является инструментом осуществления задуманного действия).

Цель адресата-экспериенцера – высказать свою позицию, поддержав либо интенцию СМИ, либо позицию законотворцев.

Цель бенефактива-экспериенцера – добиться принятия закона, повлияв на сложившуюся ситуацию – участвовавшие случаи оскорбительного отношения к власти.

Коммуникативные стратегии и языковые особенности. Речевая стратегия (иначе – коммуникативная стратегия) определяется как «план предстоящих (прогнозируемых) речевых действий, в совокупности подчиненных достижению определенных коммуникативной цели и учитывающих ряд обстоятельств, определяемых понятием коммуникативной ситуации» [Русский язык и культура речи 2015: 278]. В рамках лингвопрагматики лингвистами представлены разные классификации и типологии речевых стратегий [Иссерс 2009; Копнина 2010; Матвеева 2003; Паршина 2005 и др.]. Для установления стратегий учитываются как коммуникативная цель, так и набор тактик [Русский язык и культура речи 2015: 281], используемых для реализации конкретной стратегии. Рассмотрим основные речевые стратегии, используемые в КС «обсуждение закона в СМИ» с позиции разных участников коммуникации. За основу выделения стратегий и тактик взята классификация, предложенная в работе «Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России» [Паршина 2005].

Агенс активно использует следующие стратегии:

(1) стратегию дискредитации власти с целью подрыва авторитета. Речь в данном случае идет о публикациях текстов с персуазивными и директивными заголовками. Для дискредитации применяются **тактики обвинения** (*Власть боится критики; ...признали указанные законопроекты введением в России "режима прямой цензуры", а также обвинили власти в репрессиях в отношении всего журналистского и писательского сообщества*), **тактики оскорбления** – с использованием отрицательно окрашенных номинаций (*В Кремле назвали «маразмом» предложение наказывать за "неуважение к государству"*), оценочных эпитетов (*Оппозиционные депутаты назвали законопроекты Андрея Клишаса "репрессивными" и "опасными для общества"*, закон в статьях называют скандальным, резонансным, немыслимым);

ярлыков и дисфемизмов ("думский хайп"; слово хайп пришло в русский язык из английского от NYIP, являющегося аббревиатурой «High Yield Investment Program», что значит «инвестиционная программа с высоким доходом»). Наиболее близкими синонимами к этому слову в русском языке, пожалуй, выступают шум, крик, вопль. Выражение «поднять хайп» используется в значении «создать информационный шум»);

(2) стратегию нападения, цель которой – опорочить и, возможно, вывести из равновесия, реализуется тактикой уличения (*Предложивший сажать за неуважение к власти сенатор Клишас не раскрыл цену своих часов*. Сенатор А. Клишас является одним из авторов обсуждаемого законопроекта. Ранее А. Навальный опубликовал разоблачающие Клишаса материалы (ими пестрит Интернет, поэтому ссылку здесь на них мы не делаем), в частности о наличии у сенатора семи наручных часов на общую стоимость 163 миллиона рублей и о недостоверных данных в декларации собственности – швейцарского земельного участка значительно меньшей площадью, чем есть на самом деле);

(3) стратегию формирования эмоционального настроения адресата, которая реализуется путем использования выделенных нами тактик видения перспективы действия закона (*одобрила / ввела наказание, хотят приравнять к мелкому хулиганству, допускают уголовную ответственность, закон ... вводит штрафы и предусматривает блокировку сайтов и аккаунтов в соцсетях*), тактики предупреждения (*Госдума приняла в первом чтении «опасные для общества» законопроекты*), тактики ограничения и наказания народа (*резко бьют по свободе слова и карману*). Эмоциональный настрой общества выражается в оценочной лексике (*Мы попросили юристов почитать эти документы, которые дружно приняли депутаты Госдумы, практически единогласно одобрил Совет Федерации и махом подписал президент; [Закон] окрестили "законом о неуважении к государству"*), метафорах (*«Топором и кувалдой»*: какие недочеты нашли в законе о неуважении к власти), прецедентных фразах (*Шутки за 300 (тысяч рублей)*: как вас накажут...). Здесь фраза «шутки за 300» соотносится с известным современным выражением, обозначающим некачественный юмор. Почему триста? Слово триста рифмуется с формой родительного падежа слов, называющих различные профессии на -ист: тракториста, программиста и др. Была известная подколка, которая представляла собой диалог, инициатор которого любым способом вынуждал собеседника сказать «триста», на полученный ответ звучала пошлая фраза, призывающая «сделать оральный секс», например, у тракториста, программиста и др. Сама же формулировка «шутка за 300» заимствована из телепередачи «Своя игра» (телеканал НТВ), где вопросы объединены по присваиваемым им баллам: «Спорт за 500» и под. В ходе обсуждаемого закона фраза «шутки за 300» указывает на стоимость штрафа, триста тысяч рублей, регламентируемого законом в случае его несоблюдения.

(4) Информационно-интерпретационная стратегия присуща агенту, публикующему тексты с фактуальными заголовками. Цель этой стратегии – информировать граждан о значимых событиях. Реализуется она посредством тактик признания существования проблемы, концентрации, как правило, нейтральной информации и комментирования со ссылкой на слова законодотворцев.

Адресат-экспертиенцер, высказывая свою позицию, поддерживает либо позицию законодотворцев, либо интенцию СМИ. Реплики адресата-экспертиенцера являются реакцией на посыл агенса. В зависимости от принимаемой позиции различаются коммуникативные стратегии и тактики. В первом случае, когда адресат поддерживает законодотворцев, проявляется (1) стратегия содействия, выражающаяся в тактике одобрения (*Все правильно сделали! А то развелось мэров и президентов все знают как лучше сделать. Обливают власти дерьмом, а молодёжь читает*), сравнения с прошлым (*А то что мы живём в практически лучшее время за последнее лет 500 все забыли?*), тактике исторических параллелей (*Закон о защите чести и достоинстве президента СССР был принят Верховным Советом 14 мая 1990 года за год до развала совка*).

Если же адресат принимает оппозиционную интенцию СМИ, то реализуются следующие стратегии:

(2) стратегия дискредитации, которая поддерживается тактиками обвинения (*Какие же они слуги народа это враги народа грабят страну и будущее наших детей; "слуги народа" говорите? Ну ну, обыкновенные паразиты; Депутаты воруют миллиарды долларов и заставляют нас молчать*), оскорбления – с использованием отрицательно окрашенных номинаций (*олигофрены из ЕДРисни; нельзя ругать воров и антироссиян; Да уж, эти пидорасы из кожи лезут. Особенно эта мразь которая клипшиц Клишас;*), оценочных эпитетов (*перепуганные /о представителях власти/; Абсурдные законы подобного рода показывают деградацию их творцов*), речевой агрессии (*...первый /о сенаторе Клишасе / пойдет на корм своим собачкам!*), ярлыков (*Клишас настоящий сеньор лимон*), метафор (*Как меня бомбит от них... /о представителях власти/*), поговорок (*чуёт кошка чьё мясо съела*). В ряде из приведенных примеров совмещаются разные средства, передающие оскорбление;

(3) стратегия констатации действий представителей власти посредством использования выделенных нами тактик оценки (*Боятся народного гнева, отсюда их агония; Бессилие и страх так называемой "власти"; беспредел продолжается!; Знают настроения, готовятся*), видения перспективы действия закона (*далее порка крепостных на конюшнях*), обхождения закона (*Ну придется свой язык общения вводить...*);

(4) агитационная стратегия, которая реализуется тактиками предложения (*Надо всех думовцев гнать и набирать честных профессионалов!; Необходимо незамедлительно принять закон о неуважении к народу!; Лучшие организовывать партизанские отряды, и начинать отстреливать халув хабада, и прочих врагов народа!*) и призыва к активным действиям (*Глаза всем выколоть и языки отрезать и пусть слушают и головой кивают; Вставай страна огромная*).

Ведущей стратегией бенефактива-экспериенцера является (1) информационно-интерпретационная, реализующаяся посредством тактик признания существования проблемы (*Тема информационной безопасности сейчас очень актуальна*), разъяснения и комментирования (*И речь в данном случае идет исключительно о недопустимости оскорбления в неприличной форме власти и общества, проявлении явного неуважения к государственным символам нашей страны и госорганам. Это не касается критики и конструктивного анализа проблем*).

Кроме того, используется (2) аргументативная стратегия, направленная на убеждение адресата посредством реализации тактик обоснования принятия закона созданными условиями (*На мой взгляд, этот закон на этическом уровне уже давно нашел свое отражение в обществе*), иллюстрирования (*Неуважение может проявляться и в рамках норм приличия, при таких обстоятельствах оснований для привлечения кого-либо к ответственности нет*).

Заключение

Во внутрироссийском политическом дискурсе оппозиция «власть» – «народ» демонстрирует информационно-психологическое противоборство. Народ недоволен действиями властей, направленными на разные ограничения, в том числе на свободу выражения мысли. Полученная в 1990-е годы свобода слова, когда печатный текст практически был лишен цензуры, стала активно проявляться в период всеобщей компьютеризации в начале XXI века. Каждый человек получил возможность через Интернет открыто высказать свою позицию – от открытого письма президенту до комментария к какой-либо публикации. Это привело, среди прочего, к изменениям речевого этикета эпистолярных жанров. Ненормативная лексика заняла ведущие позиции в интернет-комментариях, касающихся действий представителей власти, несмотря на то, что в России сквернословие по юридическим законам рассматривается как нарушение общественного порядка, оскорбление личности, что предусматривает наказание. Власть вынуждена защищаться на законодательном уровне, усиливая наказание, в первую очередь, тех, кто стоит за электронными СМИ, где допускаются оскорбительные высказывания. В качестве объектов защиты на законодательной основе были вынесены: общество, государство, официальные государственные символы, Конституция и органы государственной власти (регулярным нападкам со стороны общества подвергаются, пожалуй, лишь конкретные представители власти). Это подтверждает

анализ КС «обсуждение закона в СМИ». Данная КС, являющаяся одной из составляющих политического дискурса, демонстрирует противостояние власти и народа, что не раз попадало в фокус исследований развивающегося направления «политическая лингвистика».

Проанализировав КС «обсуждение закона в СМИ», в нашем случае закона о неуважении к госсимволам, с позиции коммуникативных ролей участников общения, их коммуникативной цели, стратегий и языковых особенностей, приходим к выводу, что рассмотренная КС представляет собой конфликтный дискурс. Каждый участник этой КС (власть, СМИ, народ) преследует свою цель.

Задача власти – информировать общество о наличии проблемы, которую необходимо решить на уровне законодательства. Отсюда ведущими стратегиями со стороны власти являются информационно-интерпретационная и аргументативная.

Цели СМИ разнятся в зависимости от позиции издательства по отношению к власти. Провластные издания придерживаются информационно-интерпретационной стратегии, оппозиционные же СМИ берут на себя функцию выражения народного мнения, стараются склонить народ на свою сторону, наделяя рассматриваемый закон специфическими характеристиками, содержащими негативную семантику, используя стратегии и тактики, цель которых – дискредитация власти.

Народ, включаясь в КС, либо поддерживает интенцию власти, либо отвергает ее. Рассмотренная КС выявила в большинстве своем оппозиционный настрой общества по отношению к законотворцам и их интенциям, что выразилось в стратегиях дискредитации, констатации и агитации через призыв к активным действиям.

В зависимости от целеустановки каждый участник проанализированной КС «обсуждение закона в СМИ» использует тактики, сопоставимые с ситуацией военных действий. Это тактики провокации, нападения и защиты. Первые две в большей степени характеризуют речевое поведение представителей СМИ и народа, третья – власть.

Литература

- Голев Н.Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрислингвистика – 9: истина в языке и праве / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2008. С. 137–156.
- Дейк ванн Т.А. Фреймы знаний и понимание речевых актов / пер. с англ. М. А. Дмитриевой // Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ. М., 1989. С. 12–40.
- Егорова Е.Н. Проблема юридизации языковых средств в современной лингвистике (на примере исследования концепта <словесное оскорбление>): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2010. 26 с.
- Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
- Комаров Е.Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 21 с.
- Кондрашихина О.А. Дифференциальная психология: учеб. пос. Киев: Центр учебной литературы, 2009. 232 с.
- Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 176 с.
- Лингвистика информационно-психологической войны: монография Книга I / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова [и др.]; под общ. ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография Книга II / А.А. Бернацкая, Л.А. Гаврилов, В.А. Жилина [и др.]; под общ. ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 488 с.

Матвеева Т.Ф. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний: пер с англ. О.Н. Гринбаума / под ред. доктора техн. наук Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 152 с.

Невинская М.Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 177 с.

Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 48 с.

Петрунникова Р.В., Заяц И.И., Ахременко И.И. История психологии. Минск: Изд-во МИУ, 2009. 412 с.

Плунгян В.А. Основные синтаксические граммемы имени // Общая морфология: Введение в проблематику: учеб. пособие. Изд. 2-е, исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

Русский язык и культура речи (базовые компетенции): учеб. пособие для вузов по направлению подготовки 035700.62 «Лингвистик», профиль 035700.62.03 «Теория и практика межкультурной коммуникации» / Сиб. федер. ун-т, Ин-т филологии и яз. коммуникации; [науч. ред. А.П. Сковородников]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 513 с.

Тестелец Я.Г. Глава III. Валентности слова // Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. С. 156–228.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.

Шейгал Е.И., Черватюк И.С. Типы жанров и градация коммуникативной власти // Жанры речи. 2007. №5. С. 63–81.

Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт-сост. А.П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2017. 384 с.

Источники и принятые сокращения

1. Авишев С. Мода ругать власть [Электронный ресурс] // Вести. Карелия. 08.12.2014. URL: https://vestikarelii.ru/blogs/moda_rugat_vlast/?orderby=date_asc (дата обращения: 20.04.2019).

2. Алупеев И. Вернут Крым, а там и поговорим: Зеленский о встрече с Путиным [Электронный ресурс] // Газета.RU от 01.04.2019. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/04/01_a_12277429.shtml (дата обращения: 20.04.2019).

3. Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru> (дата обращения: 20.04.2019).

4. Кодекс РФ – Кодекс об Административных Правонарушениях РФ 2019. Актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 09.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://koapkodeksrf.ru/rzd-2/gl-5/st-5-61-koap-rf> (дата обращения: 17.05.2019).

5. ТВК-6 – Красноярская независимая телекомпания ТВК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/Bvs1mC9AIGJ/> (дата обращения: 20.04.2019).

6. Общая газета [Электронный ресурс]. URL: <https://og.ru/> (дата обращения: 20.04.2019).

7. «Свобода» – Радио «Свобода» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/> (дата обращения: 20.04.2019).

8. Ситдигов Р. Клишас ответил Познеру на критику закона об оскорблении государства [Электронный ресурс] // Сетевое издание «РИА Новости», 26.02.2019. URL: <https://ria.ru/amp/20190226/1551392023.html> (дата обращения: 20.04.2019).

9. ФЗ № 28 – Федеральный закон № 28-ФЗ от 18.03.2019 «О внесении изменения в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 20.04.2019).

References

Golev N. D. Yuridizatsiya yazykovykh konfliktov kak osnovanie ikh tipologii [Legalization of Language Conflicts as the Basis of their Typology]. *Yurislingvistika – 9: istina v yazyke i prave [Forensic Linguistics 9: Truth in Language and Law]*, 2008, pp. 137–156.

van Dijk T. A. Freymy znaniy i ponimanie rechevykh aktov [Knowledge Frames in Discourse Comprehension]. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition Communication]*, 1989, pp. 12–40.

Egorova E.N. Problema yuridizatsii yazykovykh sredstv v sovremennoy lingvistike (na primere issledovaniya kontsepta "slovesnoe oskorblenie") [The Problem of Language Means Legalization in Modern Linguistics (Using the Example of the Concept "Verbal Insult" Study)]. Abstract of Philologie Cand. Diss. Arhangel'sk, 2010. 26 p.

Issers O.S. Rechevoe vozdeystvie [Linguistic Manipulation]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009, 224 p.

Komarov E. N. Tsennostnye orientiry v zagolovkakh frantsuzskikh i rossiyskikh sredstv massovoy informatsii [Value Reference Points in the Headlines of French and Russian Media]. Abstract of Philologie Cand. Diss. Volgograd, 2003. 21 p.

Kondrashikhina O. A. Differentsial'naya psikhologiya [Differential Psychology]: ucheb. pos. Kiev, Centr uchebnoy literatury Publ., 2009, 232 p.

Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie [Linguistic Manipulation]: ucheb. posobie. 3-e izd. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010, 176 p.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny [Linguistics of Informational and Psychological War]. Kniga I / A.A. Bernatskaya, I.V. Evseeva, A.V. Kolmogorova and others; pod obshch. red. prof. A.P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2017, 340 p.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny [Linguistics of Informational and Psychological War]. Kniga II / A.A. Bernatskaya, L.A. Gavrilov, V.A. ZHilina and others; pod obshch. red. prof. A.P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2019, 488 p.

Matveeva T.F. Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika [Educational Dictionary: Russian Language, Speech Culture, Stylistics, Rhetoric]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003, 432 p.

Minsky M. Freymy dlya predstavleniya znaniy [A Framework for Representing Knowledge]. Moscow, Energiya Publ., 1979, 152 p.

Nevinskaya M. D. Kontseptual'naya oppozitsiya "narod – vlast' " v politicheskom diskurse ["People – Authorities" Conceptual Opposition in Political Discourse]. Philologie Cand. Diss. Volgograd, 2006. 177 p.

Parshina O.N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii [Strategies and Tactics of the Modern Political Elite of Russia Speech Behavior]. Abstract of Philologie Dr. Diss. Saratov, 2005, 48 p.

Petrunkova R.V., Zayats I.I., Akhremenko I.I. Istoriya psikhologii [History of Psychology]. Minsk, MIY Publ, 2009, 412 p.

Plungyan V.A. Osnovnye sintaksicheskie grammemy imeni [Basic Syntactic Grammmemes of the Name]. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General Morphology: Introduction to the Problematics]*: ucheb. posobie. Izd. 2-e, ispravlennoe. Moscow, URSS Publ., 2003. 384 p.

Russkiy yazyk i kul'tura rechi (bazovye kompetentsii) [Russian Language and the Culture of Speech (Basic Competences)] / pod red. A.P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2015, 513 p.

Testeleys Ya.G. Glava III. Valentnosti slova [Chapter III. Valencies of the Word]. *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow, RGGY Publ., 2001, pp. 156–228.

Fillmore Ch. Delo o padezhe [The Case for Case]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [Novelty in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 369–495.

Sheygal E.I., Chervatyuk I.S. Tipy zhanrov i gradatsiya kommunikativnoy vlasti [Types of Genres and Gradation of Communicative Power]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2007, no 5, pp. 63–81.

Ekologiya russkogo yazyka. Slovar' lingvoekologicheskikh terminov [Ecology of Russian Language. Dictionary of Linguistic-Ecological Terms] / avtor-sost. A.P. Skovorodnikov, 2017, 384 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Евсеева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет,

Россия, Красноярск, 660041, пр. Свободный, 82

E-mail: ivevseeva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Evseeva Irina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University,

79 Svobodny Prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: ivevseeva@yandex.ru